

УДК 329.8, 329.1/6

<https://doi.org/10.26516/2073-3380.2026.57.48>

Политизация иммиграции как фактор трансформации партийных систем: сравнительный анализ Великобритании и Франции

М. Р. Лесных, Т. Р. Лесных, Е. В. Попова*

Национальный исследовательский Томский государственный университет, г. Томск, Российская Федерация

Аннотация. Исследуются условия, при которых политизация иммиграционного вопроса приводит к трансформациям партийных систем в зрелых демократиях Великобритании и Франции. Анализируется, как миграционный кризис становится инструментом партийного предпринимательства для правых популистских сил – партии «Реформировать Соединенное Королевство» и «Национального объединения». Показано для обоих случаев, что при программной конвергенции мейнстримных партий иммиграция становится фактором дестабилизации существующей партийной системы: внесистемные акторы привязывают ее к другим общественным расколам. Но сравнительный анализ электоральной статистики и индексов эффективного числа партий показал, что различный институциональный дизайн предопределяет разные сценарии трансформации. Отмечается, что в Великобритании мажоритарная система создает эффект скрытой фрагментации партийной системы в контексте миграционной повестки, грозящей внезапным обрушением двухпартийности, тогда как во Франции двухтуровая система способствовала постепенному вызреванию нестабильной трехблоковой структуры. Выявлено, что стратегия кооптации антииммигрантской риторики мейнстримными партиями не купирует угрозу со стороны партий-претендентов, а лишь легитимирует их повестку, ускоряя эрозию сложившихся политических порядков.

Ключевые слова: иммиграция, партийные системы, партийное предпринимательство, партии-претенденты, Великобритания, Франция, избирательные системы.

Для цитирования: Лесных М. Р., Лесных Т. Р., Попова Е. В. Политизация иммиграции как фактор трансформации партийных систем: сравнительный анализ Великобритании и Франции // Известия Иркутского государственного университета. Серия Политология. Религиоведение. 2026. Т. 57. С. 48–64. <https://doi.org/10.26516/2073-3380.2026.57.48>

Original article

The Politicization of Immigration as a Factor in the Transformation of Party Systems: A Comparative Analysis of the United Kingdom and France

M. R. Lesnykh, T. R. Lesnykh, E. V. Popova*

National Research Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation

Abstract. This paper explores the conditions under which the politicization of the immigration issue triggers structural transformations in party systems of mature democracies (the United Kingdom and France). The authors analyze how the migration crisis becomes an instrument of issue entrepreneurship for right-wing populist forces, namely Reform UK and the National Rally (*Rassemblement National*). The findings demonstrate that amidst the programmatic convergence of mainstream parties, immigration emerges as a destabilizing factor of the existing party system as extra-systemic actors link it to other societal cleavages. A comparative analysis of electoral statistics and indices of the effective number of parties reveals that distinct institutional designs predetermine various scenarios of systemic transformation. In the UK, the first-past-the-post system fosters a latent fragmentation effect, threatening a sudden collapse of the traditional Conservative-Labour duopoly. Conversely, the French two-round voting system has facilitated the gradual emergence of an instable tri-polar structure. The study finds that the mainstream parties' strategy of co-opting anti-immigrant rhetoric does not neutralize the threat posed by challenger parties and it legitimizes their agenda, thereby accelerating the erosion of established political orders.

Keywords: immigration, party systems, issue entrepreneurship, challenger parties, Great Britain, France, electoral systems.

For citation: Lesnykh M.R., Lesnykh T.R. Popova E.V. The Politicization of Immigration as a Factor in the Transformation of Party Systems: A Comparative Analysis of the United Kingdom and France. *The Bulletin of Irkutsk State University. Series Political Science and Religion Studies*, 2026, vol. 57, pp. 48-64. <https://doi.org/10.26516/2073-3380.2026.57.48> (in Russian)

Введение

В последние годы иммиграционный кризис стал катализатором поляризации обществ в Европе. Опросы общественного мнения конца 2025 г. и начала 2026 г. демонстрируют остроту проблемы и во Франции, и в Великобритании¹. Потенциально это делает миграцию важным ресурсом электоральной мобилизации и может вынудить традиционные и популистские партии активно включать ее в свои политические стратегии.

Актуальность исследования во многом подтверждается электоральными сдвигами последних лет. Так, на британских местных выборах в мае 2025 г. впервые в истории значительный успех показала популистская сила – партия «Реформировать Соединенное Королевство» (Reform UK), главной целью которой выдвигается контроль над миграцией. В это же время традиционные политические партии консерваторов и лейбористов значительно теряют поддержку среди избирателей [4, с. 143].

Схожая ситуация наблюдается и во Франции. Так, в 2024 г. партия М. Ле Пен «Национальное объединение» (Rassemblement National), известная своими антииммигрантскими взглядами [14, р. 36], выиграла на выборах в Европарламент. Результаты внеочередных парламентских выборов в первом туре показали явно неблагоприятный для президентской коалиции результат: партия М. Ле Пен стала самой популярной.

В исторической перспективе иммиграция как политический и социальный вопрос присутствует в повестке обеих стран с послевоенного периода. При этом обеспокоенность населения миграцией долгое время не была свя-

¹ The most important issues facing the country // YouGov. [London, s. a.]. URL: <https://yougov.co.uk/topics/society/trackers/the-most-important-issues-facing-the-country> (дата обращения: 25.01.2026); Ce qui préoccupe les Français – Septembre 2025 // Ipsos. [S. l.], 2025. URL: <https://www.ipsos.com/fr-fr/ce-qui-preoccupe-les-francais> (дата обращения: 25.01.2026).

зана с числом иммигрантов и не вела к фрагментации партийной системы [7, р. 1459, 1460]. Это ставит под сомнение прямую причинно-следственную связь между ростом миграционных потоков, политизацией иммиграционного вопроса и структурными изменениями партийной конкуренции.

Таким образом, целью нашего исследования является выявление условий, при которых политизация иммиграционного вопроса приводит к устойчивым трансформациям партийных систем.

Выбор Великобритании и Франции неслучаен: обе страны являются устойчивыми демократиями с колониальным прошлым и длительной историей миграции. При этом они обладают разными институциональными характеристиками. Великобритания является парламентской монархией с мажоритарной системой относительного большинства и традиционно низкой партийной фрагментацией [12, р. 1507–1509]. Франция же представляет собой смешанную республику с мажоритарной избирательной системой абсолютного большинства и высокой степенью партийной фрагментации [5, р. 59–61]. Аналитическое сравнение стран с разным институциональным дизайном позволяет выявить общие причинные механизмы, которые приводят к структурным изменениям партийных систем.

Методология и дизайн

Для достижения цели исследования был применен качественный дизайн. Исследование проводилось в форме сравнительного кейс-стади с акцентом на различия в институциональных характеристиках выбранных случаев.

Теоретический фундамент исследования опирается на концепции «партий-претендентов» и «партийного предпринимательства». В рамках данных подходов политические сдвиги интерпретируются не как прямое следствие миграционной динамики, а как результат стратегий политических акторов по конструированию новых проблем [7, р. 1448–1460]. Помимо того, отдельные исследователи подчеркивают, что реакция основных партий, в частности кооптация риторики правых, зачастую не ослабляет претендентов, а напротив, легитимирует их дискурс [15, р. 561, 562].

Эмпирическую базу исследования кейсов политизации миграции Великобритании и Франции составила электоральная статистика с результатами парламентских выборов; рассчитанные М. Галлахером данные по эффективному числу партий и парламентских фракций²; данные о чистой миграции; социологические опросы о приоритетных проблемах и об отношении к миграции.

Здесь нужно отметить, что до 1964 г. власти Великобритании не вычисляли количество приезжающих и выезжающих из страны, что не позволяет оценить, насколько потоки в 1940–50 гг. были массовыми. Помимо того, систематический социологический мониторинг общественного мнения относительно значимости тех или иных проблем берет свое начало лишь в 1990-е гг. для Великобритании и в начале 2000-х гг. во Франции, что обусловило

² Gallagher M. Election indices dataset // Trinity College Dublin. Dublin, 2025. URL: https://www.tcd.ie/Political_Science/about/people/michael_gallagher/ElSystems/Docts/ElectionIndices.pdf (дата обращения: 22.01.2026).

необходимость привлечения дополнительных исследований, касающихся позитивного или негативного отношения к мигрантам в целом. На основе перечисленных данных были построены динамика чистой миграции и значимости иммиграционного вопроса в общественном мнении, сконструирована хронология ключевых событий политизации и институционализации иммиграционного вопроса.

Последние два термина напрямую связаны с нашей аналитической моделью. Ее важным элементом является разграничение между процессом политизации и институционализации иммиграционного вопроса в электоральной политике. *Миграция* понимается здесь как структурный фон, создающий потенциальные условия для появления и усиления иммиграционного вопроса в политической повестке. Ее операционализация – уровень чистой миграции по годам. *Политизация иммиграционного вопроса* понимается как включение миграции в политическую повестку и инструмент электоральной мобилизации и оценивается как доля обеспокоенных респондентов и апелляция партий к вопросу. *Институционализация иммиграционного вопроса* выступает центральным элементом модели и означает закрепление вопроса в структуре партийной конкуренции через устойчивые организационные формы: появление антииммигрантских партий в электоральной политике, кооптация проблемы миграции мейнстримными партиями в предвыборные стратегии. И наконец, *трансформация партийной системы* понимается нами как изменение конфигурации партийной конкуренции и оценивается эффективным числом партий (ЭЧП) и эффективным числом парламентских фракций (ЭЧПФ).

При описании кейсов будет оценена связь между политизацией иммиграционного вопроса и его институционализацией в электоральных процессах, с последующим сравнением миграционной повестки и трансформации партийной системы обеих стран.

Великобритания: от двухпартийности к скрытой фрагментации

Тема иммиграции присутствует в британской политике с послевоенного периода. Для восполнения дефицита рабочей силы после Второй мировой войны государство поощряло приток мигрантов из стран Содружества, закрепляя право жителей колоний на беспрепятственную работу [8, р. 301]. На фоне такой политики вплоть до 1990-х гг. в стране наблюдались умеренные миграционные потоки. Так, средняя чистая миграция составляла 19 тыс. чел. в год в 1931–1961 гг.³, а в 1964–1983 гг. она и вовсе была отрицательной (рис. 1).

³ Kirk-Wade E. Migration statistics // House of Commons Library. [S. l.], 2025. URL: <https://researchbriefings.files.parliament.uk/documents/SN06077/SN06077.pdf> (дата обращения: 05.01.2026).

Рис. 1. Показатели чистой миграции в Великобритании, чел.⁴

Существенно число мигрантов стало расти только в конце 1990-х – начале 2000-х гг. после либерализации правил въезда в 1997 г.⁵, особенно после расширения ЕС в 2004 г. Британия была в числе государств Союза, которые разрешили свободное передвижение гражданам стран новых членов, в то время как большинство других государств в составе объединения ввело различные ограничительные меры. Уже в 1998 г. чистая миграция составила 100 тыс. чел., и это число выросло до 140–185 тыс. к 2004 г. В период 2004–2015 гг. чистые показатели стабильно превышали 200 тыс. чел. в год и достигли максимума 329 тыс. чел (в 2015 г.). После проведения референдума о членстве Великобритании в ЕС и победы сторонников брекзита наблюдался заметный спад в притоке иммигрантов. К 2020 г., когда Великобритания вышла из состава ЕС, чистая миграция составила 93 тыс. чел. за год, наименьшее значение с начала 1990-х гг.

В контексте политизации проблема миграции стала заметной частью общественных дебатов с начала 2000-х гг. (рис. 2). Прежде вопрос редко входил в число приоритетных проблем населения: он волновал 3–10 % респондентов, а к 2006 г. миграция стала главной проблемой для 45 % респондентов, достигнув пика к 2015 г. (56 %). После референдума о брекзите обеспокоенность временно и значительно снизилась (5 % в 2020 г.), однако вновь актуализировалась к настоящему времени.

⁴ Kirk-Wade E. Op. cit. ; Sumption M., Walsh P. W., Brindle B. Net migration to the UK // Migration Observatory at the University of Oxford. [Oxford], 2025. URL: <https://migrationobservatory.ox.ac.uk/resources/briefings/long-term-international-migration-flows-to-and-from-the-uk/> (дата обращения: 05.01.2026); Migration Statistics Over Time // Migration Watch UK. [London, s. a.]. URL: <https://www.migrationwatchuk.org/migration-statistics-over-time> (дата обращения: 05.01.2026).

⁵ Правительство Т. Блэра отменило одно из самых строгих правил в британском иммиграционном законодательстве – правило «основной цели», которое запрещало въезд в Великобританию людям, состоящим в браке с британскими гражданами.

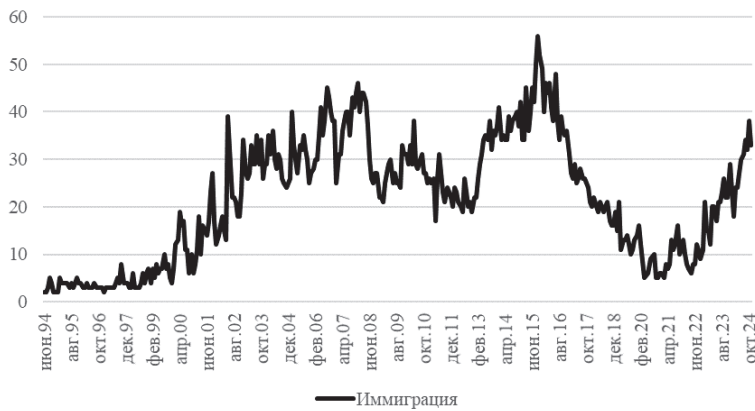

Рис. 2. Наиболее важные проблемы британцев, %⁶

Для оценки институционализации вопроса миграции обратимся к фрагментации партийной системы страны. Великобритания характеризуется как двухпартийная или «двух с половиной» партийная. Второе означает, что существует третья партия, которая выступает необходимым элементом для поддержки равновесия между двумя ключевыми политическими силами [2, с. 3–5]. Несмотря на наблюдаемый устойчивый с 1970-х гг. рост ЭЧП до четырех, мажоритарная система относительного большинства ограничивает парламентскую фрагментацию: ЭЧПФ остается около двух (рис. 3).

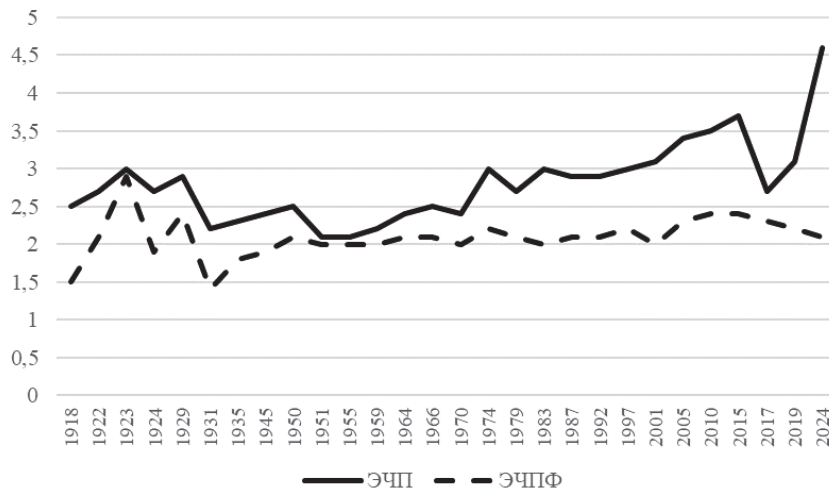

Рис. 3. Эффективное число партий в Великобритании (по результатам всеобщих выборов) [12, р. 1508, 1509]

⁶ Richards L., Fernández-Reino M., Blinder S. UK Public Opinion toward Immigration: Overall Attitudes and Level of Concern // Migration Observatory at the University of Oxford. [Oxford], 2025. URL: <https://migrationobservatory.ox.ac.uk/resources/briefings/uk-public-opinion-toward-immigration-overall-attitudes-and-level-of-concern/> (дата обращения: 05.01.2026).

Хотя динамика ЭЧП обусловлена комплексом причин, появление в 1991 г. и деятельность Партии независимости Соединенного Королевства (ПНСК), объединившей бывших консерваторов-евроскептиков, стала одним из ключевых факторов изменений. Партия изначально фокусировалась исключительно на выходе из ЕС, однако после избрания в 2006 г. Н. Фараджа в качестве лидера она соединила евроскептицизм с критикой «неконтролируемой иммиграции» из Восточной Европы, апеллируя к конкуренции за рабочие места, нагрузке на социальные услуги и утрате суверенитета [1, с. 68]. Это происходило в условиях идеологического дрейфа консерваторов и лейбористов к центру, где борьба шла за медианного избирателя из среднего класса. В таких условиях ПНСК стремилась мобилизовать брошенный рабочий класс, дополнительно позиционируя себя как единственную альтернативу существующему истеблишменту [13, р. 5–8].

Хотя ПНСК и не смогла сразу добиться представительства в Палате общин из-за особенностей избирательной системы, в 2009 г. на выборах в Европарламент партия получила 13 мест, а в 2014 г. – 24 места, обогнав и лейбористов, и консерваторов⁷. Важность европейских выборов была связана с тем, что они рассматривались избирателями как возможность выразить доверие правительству и системе в перерыве между парламентскими выборами [2, с. 2]. К тому же в 2015 г. на всеобщих выборах ПНСК, выиграв один мандат, получила 12,6 % голосов в национальном масштабе, вложившись в рост ЭЧП и ЭЧПФ до 3,7 и 2,4 соответственно.

Появившаяся угроза потери электората вынудила консерваторов, которые отражают интересы правого центра, прибегнуть к стратегии кооптации риторики. Так, Д. Кэмерон взял обязательства по сокращению миграции и проведению референдума о членстве страны в ЕС [13, р. 8]. А после победы сторонников брекзита в 2016 г. платформа фараджистов была фактически реализована правительством Б. Джонсона: была введена балльная иммиграционная система. Это привело к потере актуальности ПНСК, чьи программные цели стали частью государственного курса [13, р. 15–22].

Однако чистая миграция не упала и вскоре достигла максимальных значений (до 906 тыс. чел. в 2023 г.) (см. рис. 1). Это «предательство ожиданий» – несоответствие антииммиграционной риторики с последствиями реальных действий – открыло пространство для очередной партии-претендента «Реформировать Соединенное Королевство», идейного наследника ПНСК под руководством того же Н. Фараджа. Партия адаптировалась к новым веяниям постбрекзитной британской политики и акцентировала внимание на снижении налогов и миграции. Это происходило на фоне падения общей популярности правительства [4].

На внеочередных всеобщих выборах 2024 г. партия «Реформировать Соединенное Королевство» получила 5 мест в парламенте, хотя и набрала больше голосов (14,3 %), чем Партия либеральных демократов (12,2 %).

⁷ The rise of UKIP and its impact on UK politics // British Politics at Queen's. [S. l.], 2024. URL: <https://blogs.qub.ac.uk/pb-happ/2024/03/03/the-rise-of-ukip-and-its-impact-on-uk-politics/> (дата обращения: 29.01.2026).

Консерваторы получили 121 место, потеряв 244. Основным мотивом избирателей партии (34 %) стал запрос на жесткий контроль миграции⁸. ЭЧП выросло до 4,6 при должном для мажоритарной системы относительного большинства ЭЧПФ около 2.

Рост популярности партии «Реформировать Соединенное Королевство» продолжился в начале 2025 г. из-за резонансных социальных скандалов, в частности, связанных с пакистанскими бандами насильников-педофилов, что вынудило лейбористское правительство инициировать национальное расследование, на котором настаивали сторонники Н. Фараджа. На этом фоне на местных выборах в мае 2025 г. партия получила 41 % мест [4, с. 148]. Кроме того, недавние моделирования всеобщих выборов (январь 2026 г.) указывают на перспективу «подвешенного парламента», в котором партия «Реформировать Соединенное Королевство» сможет стать крупнейшей фракцией с 381 мандатом⁹.

Франция: формирование трехблоковой системы

Как и Великобритания, Франция также столкнулась с массовой иммиграцией в послевоенный период, привлекая иностранную рабочую силу из соседних европейских стран для восстановления экономики¹⁰. Страна запустила программы по привлечению большого количества иностранных рабочих и стала одним из основателей ЕЭС, которое обеспечивало свободное передвижение рабочих и других лиц¹¹. Кроме того, Ордонанс 1945 г. упрощал доступ к постоянному проживанию и гражданству. Тем не менее приток иностранцев был меньше ожидаемого, поэтому французские компании начали нанимать жителей Алжира. Здесь важно отметить, что, будучи французскими подданными, алжирцы имели право свободного передвижения [11, р. 2].

На протяжении 1940–50-х гг. чистая миграция не превышала 200 тыс. чел. в год (рис. 4). Самым заметным эпизодом роста количества иммигрантов стал резкий приток в начале 1960-х гг., ставший крупнейшим для Франции миграционным шоком XX в. Он был обусловлен притоком французских поселенцев (так называемых *pied-noir*) и алжирских роялистов после обретения Алжиром независимости (860 тыс. чел., рис. 4). В последующие 1960-е гг. эти цифры быстро падали (1965 г. – 110 тыс. чел.). В 1970-е гг. сальдо миграции продолжало снижаться на фоне экономических трудностей нефтяного кризиса, при этом общественное мнение уже воспринимало миграцию как проблему, хотя она все равно не занимала центрального места в политическом дискурсе. Например, в 1971 г. 52 % респондентов считало число ино-

⁸ Smith M. Why did Britons vote the way they did in 2024? // YouGov. [London], 2024. URL: <https://yougov.co.uk/politics/articles/50658-why-did-britons-vote-the-way-they-did-in-2024> (дата обращения: 24.01.2026).

⁹ More in Common's January MRP // More in Common. [London?], 2026. URL: <https://www.moreincommon.org.uk/latest-insights/more-in-common-s-january-mrp/> (дата обращения: 03.02.2026).

¹⁰ Boubtane E. France Reckons with Immigration Amid Reality of Rising Far Right // Migration Policy Institute. [Washington], 2022. URL: <https://www.migrationpolicy.org/article/france-immigration-rising-far-right> (дата обращения: 25.01.2026).

¹¹ Ibid.

странцев слишком высоким, а в 1974 г. 70 % граждан поддерживали ограничение миграции. Несколько рабочих из Алжира было убито в Марселе в 1973 г. [6, р. 264, 265]. Как итог, были введены жесткие ограничения по отношению к иммигрантам: приостановка приема новых иностранных работников и выплаты для поощрения добровольного отъезда иммигрантов¹².

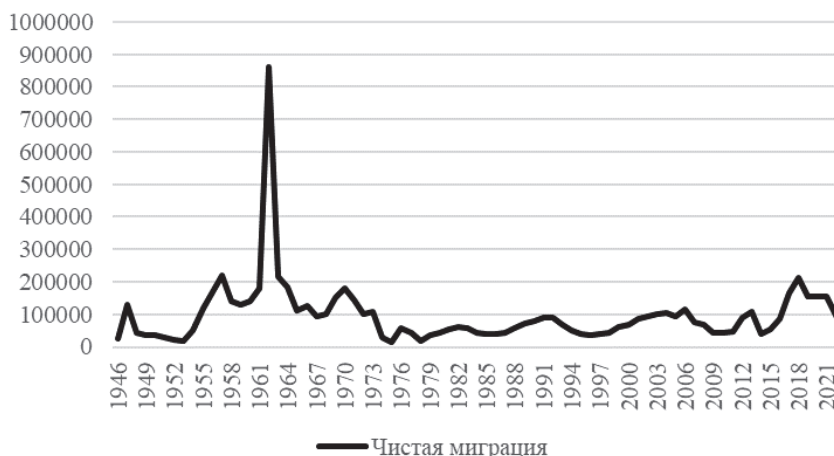

Рис. 4. Показатели чистой миграции во Франции, чел.¹³

В 1980–2000-е гг. миграция стабилизировалась на уровне 40–100 тыс. Значимый рост возобновился только с середины 2010-х гг.

В начале XXI в. проблема миграции волновала небольшое количество респондентов (10–20 %), она становится важной только к 2015 г. (50 %). Это было вызвано страхом, что во Францию прибудет большое количество сирийцев. Когда этого не произошло, острота вопроса иммиграции в глазах французской общественности существенно спала [14, р. 7]. В 2024–2025 гг. вопрос занимает лишь 3–5-е место среди волнующих тем (20–30 % респондентов). Тем не менее это существенно больше, чем было несколькими годами ранее (рис. 5).

Низкая приоритетность иммиграционной проблемы не означает, что французы позитивно относятся к ней. С 2000-х гг. 67–80 % респондентов настроены негативно или не могут определиться с тем, делает ли иммиграция страну лучше [9, р. 7, 8]. Этот негатив не привязывается к численности мигрантов и их влиянию на инфраструктуру. Большинство французов, скорее, волнуют вопросы идентичности и ассимиляции: для них важно, чтобы иммигранты говорили по-французски и не несли угрозу «республиканским» ценностям [9, р. 8–14].

¹² Boubtane E. Op. cit.

¹³ Components of population changes, metropolitan France // Insee. [Paris, 2022?]. URL: <https://www.insee.fr/en/statistiques/6040011#titre-bloc-3>; Net migration – France // World Bank Group Data [Washington D.C.?], 2024. URL: <https://data.worldbank.org/indicator/SM.POP.NETM?locations=FR> (дата обращения: 02.02.2026).

Рис. 5. Наиболее важные проблемы французов, %¹⁴ [9, р. 7]

Обратимся к партийной конфигурации Франции. В 1950–1970-е гг. партийная конкуренция оставалась биполярной четырехпартийной и была сосредоточена вокруг борьбы социалистов и голлистов (и их союзников) [5, р. 59]. Скачкообразный рост обоих показателей начинается в 1970-е гг.: происходит рост и ЭЧП, и ЭЧПФ (до 5,68 и 4,42 в 1973 г., рис. 6). Однако затем в 1980–2000-е гг. происходят лишь колебания ЭЧП от 4,13 до 6,89 с низким ЭЧПФ на уровне 3–4. Устойчивую тенденцию роста ЭЧПФ можно отметить лишь после 2000-х гг., и особенно после 2017 г.

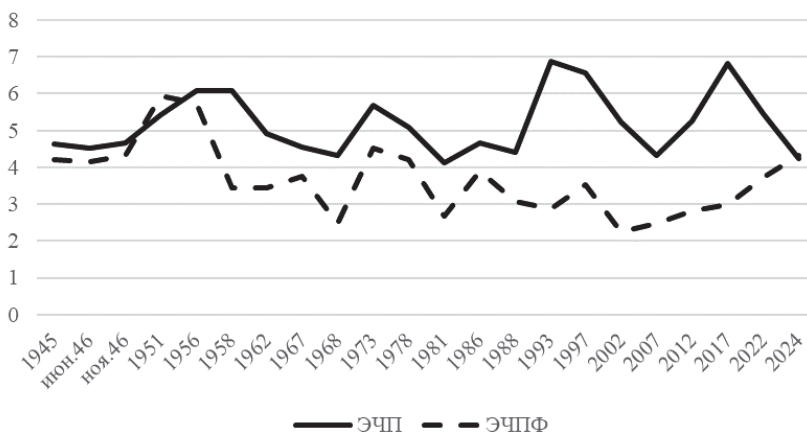

Рис. 6. Эффективное число партий во Франции¹⁵ [5, р. 60]

¹⁴ Ce qui préoccupe les Français – Septembre 2025 // Ipsos. [S. l.], 2025. URL: <https://www.ipsos.com/fr-fr/ce-qui-preoccupe-les-francais> (дата обращения: 25.01.2026).

¹⁵ Gallagher M. Op. cit.

Одним из важных моментов для изменения показателей значимости проблемы миграции стало появление в 1972 г. партии «Национальный фронт» под руководством Ж.-М. Ле Пена, которая представляла собой коалицию бывших коллаборационистов и сторонников «Французского Алжира». Партия сделала иммиграцию ключевым элементом своей идентичности, связав ее с безработицей, преступностью и угрозой национальной и республиканской идентичности [14, р. 6, 7]. Иммиграционный вопрос, как было сказано ранее, прежде игнорировался в политическом дискурсе страны, хотя и волновал некоторых граждан. Французская версия миграционного скептицизма была сосредоточена не столько на количестве мигрантов и их экономической нагрузке, сколько на проблемах ассимиляции и культурной совместимости. Именно поэтому за партию стал голосовать рабочий класс, наиболее остро ощущающий исчезновение важности традиций и религии [14, р. 40].

Первоначально в 1974 г. Ле Пен получил менее 1 % голосов в первом туре президентских выборов. Однако в 1980-х гг. электоральная поддержка партии значительно возросла. Ксенофобская риторика на фоне массовой безработицы позволила партии «Национальный фронт» зафиксировать свой первый электоральный успех на местных выборах 1983 г. Отвечая на это, социалисты даже отказались от плана предоставить иностранцам право голоса на местных выборах [11, р. 3, 4]. Тогда же были приняты законы Паскуа, ограничивающие получение французского гражданства по праву крови¹⁶.

С тех пор электоральная мощь партии продолжала укрепляться. На президентских выборах 1988 и 1995 гг. Ле Пен набрал 14,4 и 15 % голосов соответственно. В 1986 г., благодаря временному введению пропорциональной избирательной системы, партия получила 35 мест в парламенте (и около 2 млн голосов), вызвав рост ЭЧПФ до 3,9. Когда мажоритарная система была восстановлена, партия в 1990-е гг. устойчиво получала 1–3 мандата и сохраняла за собой прежние около 2–3 млн голосов избирателей при снижении ЭЧПФ на фоне стабильного или увеличивающегося ЭЧП.

Кульминацией роста популярности партии стали президентские выборы 2002 г., на которых Ле Пен набрал 16,8 % голосов в первом туре и обеспечил себе место во втором. Однако в последнем туре он потерпел поражение из-за стратегического голосования против националистов [14, р. 4, 5].

На этом фоне необходимость кооптации антииммигрантской риторики стала приобретать все большее значение для правящих партий: голлистской («Союз за народное движение») и социалистов. Кроме того, избирателям становилось все труднее отличить экономическую политику двух традиционных партий, а «Национальный фронт» обвинял традиционные силы в формировании «картеля» среднего класса. С целью нейтрализации угрозы со стороны правых популистов президенты Ж. Ширак и Н. Саркози приняли часть их риторики. В 2004 г. было запрещено демонстративно носить религиозные символы в общественных местах и осложнено получение социаль-

¹⁶ Jean-Marc B. La lepénisation des esprits, par Pierre Tevanian et Sylvie Tissot // Le Club de Mediapart. [S. l.], 2017. URL: <https://blogs.mediapart.fr/jean-marc-b/blog/030517/la-lepenisation-des-esprits-par-pierre-tevanian-et-sylvie-tissot> (дата обращения: 30.01.2026).

ной помощи мигрантами. Эти меры имели своей целью сохранение национальной идентичности (о чем, собственно, и говорил «Национальный фронт»), а не собственно борьбу с миграцией так таковой. На этом фоне «Национальный фронт» терял собственную актуальность, получив только 1 млн голосов на парламентских выборах 2007 г. с видимым понижением ЭЧП до 4,32 [10, р. 106, 107].

Однако уже на президентских выборах 2017 и 2022 гг. М. Ле Пен проходила во вторые туры без значительной угрозы от кандидатов голлистских и социалистических партий [5, р. 60, 61]. Тогда же партия впервые получила значительное представительство в парламенте (89 мест в 2022 г.), сокращая разрыв между ЭЧП и ЭЧПФ. В 2024 г. партия «Национальное объединение» (новое название) победила на выборах в Европарламент и тем самым вынудило президента Э. Макрона объявить о внеочередных парламентских выборах. Результаты первого тура показали, что партия Ле Пен стала самой популярной, даже несмотря на то, что во втором туре партия не трансформировала собственное преимущество в необходимое для формирования правительства большинство: тактическое голосование центристов и левых сдержало успех¹⁷. В итоге партия получила 142 мандата, а внутри парламента сформировалась трехблочная структура¹⁸, где ни один из блоков не обладает стабильным большинством для принятия решений. В это же время Э. Макрон в ответ на угрозу со стороны крайне правых на выборах добился ограничения доступа просителей убежища к государственным услугам, усилил пограничный контроль и увеличил сроки получения иностранцами пособий¹⁹.

Обсуждение и заключение

Проведенный сравнительный анализ политизации иммиграции в Великобритании и Франции и институционализации новых партий позволяет не только ответить на поставленный исследовательский вопрос, но и предложить ряд уточнений к существующим моделям трансформации партийных систем. Эмпирические данные двух кейсов подтверждают, что ни динамика миграционных потоков сама по себе, ни уровень общественной обеспокоенности, фиксируемый опросами, не являются достаточными условиями для устойчивых структурных изменений партийных систем. Как в Британии, так и во Франции периоды высокой миграции (1960-е гг. во Франции, 2000-е гг. в Британии) или устойчиво негативного отношения к мигрантам (1970-е гг. во Франции) могли сосуществовать с биполярной конфигурацией партийной конкуренции, не учитывающей данные социальные процессы и повестки. Это показывает, что миграция выступает лишь структурным фоном, или ма-

¹⁷ Grob S. Assemblée nationale: comment le «front républicain» anti-RN a sauvé les sièges de la Macronie // Marianne. [S. l.], 2024. URL: <https://www.marianne.net/politique/assemblee-nationale-comment-le-front-republicain-anti-rn-a-sauve-les-sieges-de-la-macronie> (дата обращения: 29.01.2026).

¹⁸ Проправительственный центристский альянс «Вместе за Республику», поддерживаемый «Республиканцами»; правый популистский блок в лице партии «Национальное объединение» и бывших членов партии «Республиканцы»; левый альянс «Новый народный фронт».

¹⁹ Boubtane E. Op. cit.

териалом, который становится политически значимым только при условиях институционализации этой проблемы партиями или политическим лидером.

Ключевая роль здесь, согласно изученным кейсам и модели партийного предпринимательства [5], принадлежит стратегиям политических акторов. В обоих случаях новые партии: ПНСК / «Реформировать Соединенное Королевство» (Великобритания) и «Национальный фронт» / «Национальное объединение» (Франция), выступили не просто ретрансляторами общественных тревог, но были создателями политической повестки. Им удалось совершить то, что оказалось не под силу мейнстримным игрокам: связать иммиграцию с более широкими и значимыми для части электората темами. В Великобритании этой связкой стала проблема издержек европейской интеграции [1], во Франции – угроза национальной и республиканской идентичности [14]. Тем самым наше исследование подтверждает тезис о том, что успех новых партий зависит от их способности встроить миграционный вопрос, новый для электората, в более широкий политический конфликт.

Важным теоретическим вкладом работы является эмпирическая верификация и уточнение механизмов кооптации создаваемой политической проблемы. Существующая литература подчеркивает, что заимствование риторики правопопулистских партий мейнстримом зачастую не ослабляет, а легитимизирует их дискурс [15, р. 561, 562]. Наше исследование не только подтверждает этот тезис, но и раскрывает его долгосрочную динамику и роль нарушения обязательств со стороны правящей партии. Наиболее ярко этот механизм проявился в британском кейсе, где Консервативная партия, кооптировав программу ПНСК и завершив брекзит, не смогла выполнить свое обещание сократить иммиграцию. Рекордный приток мигрантов после 2021 г. превратил победу консерваторов в стратегическое поражение, создав возможности для новой партии «Реформировать Соединенное Королевство». Во Франции схожий, хотя и менее выраженный эффект наблюдался после ужесточения миграционной политики при Ж. Шираке и Н. Саркози, которое временно снизило поддержку «Национального фронта», но не устранило запрос на проблематику, связанную с национальной идентичностью в контексте роста числа мигрантов, что позволило партии-предпринимателю усилить свои позиции. Таким образом, кооптация риторики оппозиционной партии действующим лидером оказывается не просто бесполезной, а контрпродуктивной в средне- и долгосрочной перспективе, поскольку смещает политический дискурс к националистическим позициям, одновременно дискредитируя мейнстримные партии в глазах избирателей их же собственной неэффективностью.

Также наше исследование продемонстрировало значимую роль в процессах институционализации и кооптации вопросов миграции институционального дизайна. Сравнение Великобритании и Франции, изначально выбранных благодаря различиям в избирательных системах, позволило увидеть, как одни и те же причинные механизмы приводят к разным структурным последствиям. Британская мажоритарная система относительного большинства маскирует реальный уровень фрагментации: высокие значения эффективного числа партий годами не конвертируются в рост эффективного

числа парламентских фракций. Однако наша работа показывает, что эта система пока лишь накапливает критическую массу недовольства избирателей, которую фиксируют второстепенные выборы в Великобритании и составляемые модели прогнозирования результатов голосования на следующих выборах. Сегодня Великобритания стоит на пороге парламентской ротации, где вопрос о миграционных потоках, вероятно, станет ключевым. Данные по ЭЧП и ЭЧПФ с 1970-х гг. показывают, что в стране существует двухпартийная система, при которой результаты выборов по системе относительного большинства ведут к резко непропорциональной репрезентации голосов. Особенно актуально это в последнее время, когда ЭЧП говорит о практически пятипартийности консерваторов, лейбористов, либеральных демократов, зеленых и реформистов, а эффективное число парламентских фракций составляет 2,1. Такие показатели открывают реальную перспективу резкой трансформации структуры конкуренции: наиболее слабое звено двухпартийной парламентской системы заменится новым, что отнюдь не ново для британской системы. Подобное уже происходило в начале XX в., когда либералы были замещены лейбористами [3]. И все это подкрепляется прогнозами о «подвешенном парламенте»²⁰, в котором партия «Реформировать Соединенное Королевство» будет крупнейшей фракцией без возможности сформировать однопартийное правительство. Однако перспектива замещения консерваторов реформистами будет во многом зависеть от того, сможет ли действующее руководство партии справиться с внутренним кризисом, в ходе которого многие известные консерваторы²¹, которых ранее отвергали в партии, активно переходят к ним [4, с. 150, 151] и получают важные партийные должности в рамках ненастоящего «теневого кабинета»²². Некоторые исследователи мыслят гораздо радикальнее и считают, что партийную систему Великобритании ожидает явный структурный сдвиг, при котором система эволюционирует в сторону многопартийной моновалентной (по классификации Г. Голосова) [4, с. 149].

Французская двухтуровая система, напротив, выступает не столько барьером, сколько регулятором скорости изменений, своеобразным клапаном для высокого давления общества. Она не может полностью блокировать доступ партии в парламент, как это показали успехи «Национального фронта» в 1986 г. при временном введении пропорциональной системы. Однако она создает механизмы сдерживания в виде стратегического голосования во втором туре и необходимости формирования широких коалиций. Это растягива-

²⁰ Tréguer P. Meaning and Origin of 'Hung' in 'Hung Parliament' // WordHistories. [S. l.], 2017. URL: <https://wordhistories.net/2017/06/07/origin-of-hung-parliament/> (дата обращения: 07.03.2026).

²¹ Например, Р. Дженрик, неоднократно занимавший важные министерские посты в консервативных правительствах и даже претендовавший на пост лидера партии, но уступивший К. Баденку в 2024 г. Ряды фараджистов пополнились и С. Браверман, бывшим министром внутренних дел. Полный список доступен на: ROLLING LIST: Guido's Tory-Reform Defection Tracker // Guido Fawkes. [S. l.], 2026. URL: <https://order-order.com/2025/07/31/rolling-list-guidos-tory-reform-defection-tracker/> (дата обращения: 08.03.2026).

²² Burford R. Nigel Farage unveils 'shadow cabinet' with two Tory defectors on Reform UK's frontbench // The Standard. [London], 2026. URL: <https://www.standard.co.uk/news/politics/nigel-farage-shadow-cabinet-tory-defectors-suella-braverman-robert-jenrick-b1271340.html> (дата обращения: 08.03.2026).

ет процесс институционализации на десятилетия, позволяя антисистемной силе постепенно наращивать представительство, но не допуская резкого захвата власти. Итогом становится не замещение одного из игроков, а трансформация всей конфигурации в трехблочную систему с фрагментированным и нестабильным парламентом. Помимо трансформации партийно-парламентской структуры, мы наблюдаем изменение и схемы борьбы за президентский пост, которая смещается на противостояние центристов и правых популистов и свидетельствует о смене фокуса конкуренции с оси «левых и правых» на ось «ценностей и идентичности» [5, р. 60, 61]. Мы видели, что, как и в Великобритании, к концу 2000-х гг. французские избиратели едва отличали экономическую политику голлистов и социалистов. Рабочий класс был брошен мейнстримными партиями, а «Национальный фронт» оказался единственной партией, апеллирующей к ним. Он продолжил связывать проблемы миграции со светским характером государства и угрозой национальной идентичности, что было актуально для рабочих. Преодолевая стратегическое голосование против, к 2024 г. партия сократила разрыв ЭЧП от ЭЧПФ и получила 142 мандата из 577 в парламенте. Это закрепляет иммиграционный вопрос как одну из ключевых осей партийной конкуренции.

Полученные результаты открывают перспективы для дальнейших исследований. Наиболее очевидным следующим шагом является анализ процессов институционализации, политизации и кооптации проблем миграции в странах с пропорциональной избирательной системой. Германия или Нидерланды, где институциональные барьеры для новых партий минимальны, могли бы продемонстрировать иную динамику: гипотетически более быструю и плавную институционализацию антииммигрантских сил.

Подводя итог, можно заключить, что политизация иммиграции ведет к трансформации партийных систем только тогда, когда она становится инструментом в руках политических предпринимателей, способных связать ее с существующими общественными расколами в условиях кризиса представительства, вызванного конвергенцией мейнстримных партий. Институциональная среда при этом не отменяет, но задает рамки этого процесса, определяя траекторию и темпы трансформации.

Список литературы

1. *Ананьева Е. В.* Партия независимости Соединенного Королевства: взлет и падение. Лейбористы как альтернатива? // *Партии и движения политической альтернативы в современной Европе* / отв. ред. В. Я. Швейцер. М. : ДИЕ РАН, 2018. № 357. С. 67–72.
2. *Громыко Ал. А.* Модернизация партийной системы Великобритании. М. : Весь Мир, 2007. 344 с.
3. *Таагенера Р., Шугарт М. С.* Описание избирательных систем // *Полис. Политические исследования*. 1997. № 3. С. 114–137.
4. *Хахалкина Е. В., Лесных М. Р.* Трансформация политического ландшафта в Великобритании в контексте иммиграционной проблемы // *Научно-аналитический вестник ИЕ РАН*. 2025. № 5. С. 141–155. <https://doi.org/10.15211/vestnikieran52025141155>
5. *Elodie F.* French Political Parties and Democracy // *Political Parties and the Crisis of Democracy: Organization, Resilience, and Reform* / eds.: T. Poguntke, W. Hofmeister. Oxford : Oxford University Press, 2024. P. 58–81. <https://doi.org/10.1093/oso/9780198888734.003.0004>

6. Freeman G. P. *Immigrant Labor and Racial Conflict in Industrial Societies: The French and British Experience, 1945–1975*. Princeton : Princeton University Press, 1979. 378 p.
7. Grande E., Schwarzbözl T., Fatke M. Politicizing immigration in Western Europe // *Journal of European Public Policy*. 2019. Vol. 26, N 10. P. 1444–1463. <https://doi.org/10.1080/13501763.2018.1531909>
8. Hansen R. *Citizenship and Immigration in Post-War Britain: The Institutional Origins of a Multicultural Nation*. Oxford : Oxford University Press, 2000. 301 p.
9. Holloway K., Faures D., Kumar C. Public narratives and attitudes towards refugees and other migrants France country profile. ODI. [S. l.], 2022. 20 p.
10. McKeever A. Immigration and integration policy change in France during Sarkozy's era // *French Politics*. 2024. N 22. P. 87–114. <https://doi.org/10.1057/s41253-024-00239-2>
11. Philippe R. France: immigration since 1945 // *The Encyclopedia of Global Human Migration* / ed. I. Ness. Wiley-Blackwell. 2013.
12. Prosser C. Fragmentation revisited: the UK General Election of 2024 // *West European Politics*. 2025. Vol. 48, N 6. P. 1501–1513. <https://doi.org/10.1080/01402382.2024.2430915>
13. Tournier-Sol K. From UKIP to Brexit: The Right-Wing Populist Surge in the UK // *The Faces of Contemporary Populism in Western Europe and the US* / eds.: K. Tournier-Sol, M. Gayte. Cham : Palgrave Macmillan, 2021. P. 1–22. https://doi.org/10.1007/978-3-030-53889-7_1
14. Van de Walle N. Neither Right, Nor Left, But French? Historical Legacies, the Rise of Anti-Immigrant Sentiment, and the Far Right in France // *College Undergraduate Research Electronic Journal*. 2008. 66 p.
15. Williams C. J., Hunger S. How challenger party issue entrepreneurship and mainstream party strategies drive public issue salience: evidence from radical-right parties and the issue of immigration // *European Political Science Review*. 2022. Vol. 14, N 4. P. 544–565. DOI: 10.1017/S1755773922000297

References

1. Ananyeva E.V. Partiya nezavisimosti Soyedinennogo Korolevstva: vzlot i padeniye. Leyboristy kak alternativa? [UK Independence Party: Rise and Fall. Labour as an Alternative?]. *Partii i dvizheniya politicheskoy alternativy v sovremennoy Evrope* [Parties and Movements of the Political Alternative in Modern Europe]. Ed. by V.I. Shveytser. Moscow, IE RAS Publ., 2018, no. 357, pp. 67–72. (in Russian)
2. Gromyko A.I.A. Modernizatsiya partiynoy sistemy Velikobritanii [Modernization of the British Party System]. Moscow, Ves Mir Publ., 2007, 344 p. (in Russian)
3. Taagapera R., Shugart M.S. Opisaniye izbiratelnykh system [Description of Electoral Systems]. *Polis. Politicheskkiye issledovaniya* [Polis. Political Studies], 1997, no. 3, pp. 114–137. (in Russian)
4. Khakhalkina E.V., Lesnykh M.R. Transformatsiya politicheskogo landshafta v Velikobritanii v kontekste immigratsionnoy problemy [The Transformation of the UK Political Landscape in Great Britain in the Light of the Immigration Problem]. *Nauchno-analiticheskiy vestnik IE RAN* [Scientific and Analytical Herald of the IE RAS], 2025, vol. 47, no. 5, pp. 141–155. <https://doi.org/10.15211/vestnikieran52025141155> (in Russian)
5. Elodie F. French Political Parties and Democracy. *Political Parties and the Crisis of Democracy: Organization, Resilience, and Reform*. Eds.: T. Poguntke, W. Hofmeister. Oxford, Oxford University Press, 2024, pp. 58–81. <https://doi.org/10.1093/oso/9780198888734.003.0004>
6. Freeman G.P. *Immigrant Labor and Racial Conflict in Industrial Societies: The French and British Experience, 1945–1975*. Princeton, Princeton University Press, 1979, 378 p.
7. Grande E., Schwarzbözl T., Fatke M. Politicizing immigration in Western Europe. *Journal of European Public Policy*, 2019, vol. 26, no. 10, pp. 1444–1463. <https://doi.org/10.1080/13501763.2018.1531909>
8. Hansen R. *Citizenship and Immigration in Post-War Britain: The Institutional Origins of a Multicultural Nation*. Oxford, Oxford University Press, 2000, 301 p.
9. Holloway K., Faures D., Kumar C. *Public narratives and attitudes towards refugees and other migrants France country profile*. ODI. [S. l.], 2022, 20 p.

10. McKeever A. Immigration and integration policy change in France during Sarkozy's era. *French Politics*, 2024, no. 22, pp. 87-114. <https://doi.org/10.1057/s41253-024-00239-2>
11. Philippe R. France: immigration since 1945. *The Encyclopedia of Global Human Migration*. Ed. by I. Ness. Wiley-Blackwell, 2013.
12. Prosser C. Fragmentation revisited: the UK General Election of 2024. *West European Politics*, 2025, vol. 48, no. 6, pp. 1501-1513. <https://doi.org/10.1080/01402382.2024.2430915>
13. Tournier-Sol K. From UKIP to Brexit: The Right-Wing Populist Surge in the UK. *The Faces of Contemporary Populism in Western Europe and the US*. Eds.: K. Tournier-Sol, M. Gayte. Cham, Palgrave Macmillan, 2021, pp. 1-22. https://doi.org/10.1007/978-3-030-53889-7_1
14. Van de Walle N. Neither Right, Nor Left, But French? Historical Legacies, the Rise of Anti-Immigrant Sentiment, and the Far Right in France. *College Undergraduate Research Electronic Journal*, 2008, 66 p.
15. Williams C.J., Hunger S. How challenger party issue entrepreneurship and mainstream party strategies drive public issue salience: evidence from radical-right parties and the issue of immigration. *European Political Science Review*, 2022, vol. 14, no. 4, pp. 544-565. <https://doi.org/10.1017/S1755773922000297>

Сведения об авторах

Лесных Михаил Романович

лаборант, кафедра мировой политики
Национальный исследовательский
Томский государственный университет
Российская Федерация, 634034, г. Томск,
просп. Ленина, 36 e-mail:
lesnyhmikhail@outlook.com
ORCID 0009-0001-5654-7270

Лесных Тимофей Романович

лаборант, кафедра мировой политики
Национальный исследовательский
Томский государственный университет
Российская Федерация, 634034, г. Томск,
просп. Ленина, 36
e-mail: lesnyhtimofey@outlook.com
ORCID 0009-0001-6586-9212

Попова Евгения Владимировна

кандидат политических наук, доцент,
кафедра политологии
Национальный исследовательский
Томский государственный университет
Российская Федерация, 634034, г. Томск,
просп. Ленина, 36
e-mail: iam.e.popova@yandex.ru
ORCID 0000-0003-1716-8849

Information about the authors

Lesnykh Mikhail Romanovich

Laboratory Assistant, Department
of World Politics
National Research Tomsk State University
36, Lenin ave., Tomsk, 634034,
Russian Federation
e-mail: lesnyhmikhail@outlook.com
ORCID 0009-0001-5654-7270

Lesnykh Timofei Romanovich

Laboratory Assistant, Department
of World Politics
National Research Tomsk State University
36, Lenin ave., Tomsk, 634034,
Russian Federation
e-mail: lesnyhtimofey@outlook.com
ORCID 0009-0001-6586-9212

Popova Evgenia Vladimirovna

Candidate of Sciences (Political Science),
Associate Professor, Department
of Political Science
National Research Tomsk State University
36, Lenin ave., Tomsk, 634034,
Russian Federation
e-mail: iam.e.popova@yandex.ru
ORCID 0000-0003-1716-8849

Статья поступила в редакцию 10.03.2026; одобрена после рецензирования 12.04.2026; принята к публикации 09.05.2026
The article was submitted March, 10, 2026; approved after reviewing April, 12, 2026; accepted for publication May, 09, 2026